

*А.В. Сюков**

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ НАУЧНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ В 30-Е ГОДЫ XX ВЕКА

В этой статье говорится о политических настроениях научной интеллигенции в Среднем Поволжье в 30-е годы XX века. На основе различных источников выявлены основные формы взаимоотношений ученых с властью и особенности данного процесса в регионе.

В советской историографии традиционно выделялись 3 основные категории научной интеллигенции по их отношению к власти: лояльная, политически нейтральная и враждебная власти. Однако эта схема крайне условна и неоднозначна. Спектр настроений в среде научной интеллигенции был значительно шире и сложнее. Но данную градацию необходимо учитывать, так как такое разделение научной интеллигенции применялось на практике государственными и партийными органами в 1930-е годы. Власть осуществляла дифференцированный подход к различным группам ученых в зависимости от занимаемой общественной позиции и противопоставляла лояльную часть научных работников наиболее оппозиционной.

Группа критически настроенной к власти научной интеллигенции была самой малочисленной, однако к ней принадлежали многие видные ученые «старой» школы, определявшие уровень развития советской науки. Эта группа не была однородна, что определялось различными причинами негативного отношения к власти и степенью оппозиционности.

Часть ученых была идеологически враждебна советской власти. Многие научные работники до революции или в годы гражданской войны состояли в различных либеральных и социалистических партиях и активно участвовали в политической жизни страны. Так, экономист Г.И. Баскин и председатель Самарского общества археологии, истории, этнографии и естествознания В.П. Арапов были лидерами энесов в Самарской губернии и являлись депутатами Государственной Думы. Был депутатом Государственной Думы от партии кадетов П.П. Крылов, который до 1930 года занимал пост директора Самарского научно-исследовательского института микробиологии [1. С.28-30.]. Причем во многих учреждениях, основанных еще до революции, доля критически настроенных ученых была довольно высока, что служило поводом для сокрушительной критики со стороны партийных

* © Сюков А.В., 2008

Сюков Антон Валерьевич — кафедра отечественной истории и историографии Самарского государственного университета

органов и прессы. Так, 1-й секретарь Средне-Волжского крайкома ВКП (б) М.М. Хатаевич в своем докладе на объединенном пленуме Обкома и Областной контрольной комиссии ВКП(б) в декабре 1928 года обращал внимание на «работу общества археологов и музея в г. Самаре, музея краеведения в г. Пензе, где собралась контрреволюционная антисоветская гниль, которая использует эти организации, будто бы советские, для того, чтобы группировать свои силы, чтобы вести свою работу определенно направленную против нас» [2]. Активно критиковалась деятельность Безенчукской опытной станции, в том числе и в центральной прессе [3].

Многие ученые первоначально восприняли революцию либо стали позитивно относиться к изменению государственной политики в годы нэпа, однако впоследствии разочаровались ужесточением государственного режима [4. Л.2]. В 1930-е годы появилась и оппозиция ученых, коммунистически настроенных, но выступающих против тех методов построения нового общества, которые начали применяться в этот период.

Большинство ученых не выступали против коммунизма, но критиковали отдельные элементы государственной политики, в особенности в научной сфере. Ученые были недовольны ликвидацией автономии научных учреждений, ограничением свободы творчества, бюрократизацией научной работы, планированием науки, монополией марксизма в науке, внедрением бригадно-лабораторного метода преподавания в вузах и т.д.

Многие ученые критически высказывались против конкретных представителей власти, руководителей научных учреждений и руководителей партийных ячеек. Эта критика была ответной реакцией на необоснованные нападки с их стороны и обвинения во «вредительстве». Ученые писали в высшие партийные и государственные органы с целью добиться справедливости, критикуя данных работников в поверхностном подходе, а зачастую и в полном искажении действительности [5. Л.27-34]. И многие из этих писем имели положительный результат.

Одной из самых распространенных причин недовольства ученых было низкое материальное положение. В 1930-е годы оно несколько улучшилось, но оставалось значительно ниже дореволюционного уровня. Ученые были недовольны низким уровнем зарплаты [6. Л.13], задержками в ее выплате [7. Л.9] и плохими жилищными условиями. Таким образом, значительная часть недовольства зачастую носила не идеологические, а бытовые корни.

Стоит отметить, что доля радикально настроенных против власти ученых была незначительной и постоянно уменьшалась. Большинство ученых подчеркивали, что они не выступают против советской власти, и заявляли о своей политической благонадежности и готовности сотрудничать с властью. Они лишь выступали против конкретных негативных проявлений государственной политики.

Об этом говорилось и в отчетах НКВД, которые характеризовали «политическое настроение в научной среде как устойчивое, так как массовых эксцессов и организованных выступлений не зафиксировано. Отмечались лишь случаи отдельных антисоветских выпадов, выраженных в форме резкой антисоветской критики, антисоветских разговоров» [8. Л.108].

Сложной проблемой является определение критериев враждебности власти. Ведь еще в конце 1920-х годов власть в принципе позволяла умеренную критику. Так, известный биолог А.А. Любищев, работавший в Самаре в конце 1920-х годов, отмечал, что в этот период позволялось вести споры на различные политические темы довольно свободно, издавались и различные работы, в которых подвергались сомнениям определенные положения марксизма [9. Л.11-12]. А уже в 1930-е годы совершенно безобидная критика, направленная не против власти, а на решение конкретных проблем, во многих случаях причислялась к контрреволюционной деятельности. Если в конце 1920-х годов органы государственной власти причисляли к враждебной научной интеллигенции лишь тех, кто открыто противопоставлял себя власти, то в 1930-е годы – значительно более широкую группу ученых. В результате многие научные работники, которые не были оппозиционны власти, подверглись репрессиям по совершенно надуманным обвинениям.

Нужно учитывать, что политическое настроение у разных слоев научной интеллигенции значительно варьировалось. Доля оппозиционно настроенных ученых среди представителей социальных наук была выше, чем среди технических и естественных наук. Особенностью Среднего Поволжья было преобладание оппозиционных ученых среди представителей аграрной науки. Это объяснялось большой численностью агрономических научных учреждений, основанных еще до революции, в которых работало много видных ученых, получивших образование еще до революции. Не случайно крупнейшим политическим процессом в Среднем Поволжье, затронувшим научное сообщество, было дело Волжской контрреволюционной организации «Трудовой крестьянской партии», в результате чего была фактически разгромлена оппозиция в аграрной науке [10].

Однако в течение 1930-х годов количество ученых, настроенных оппозиционно, постепенно уменьшалось. Это было вызвано ужесточением политики государства, что проявлялось в репрессиях против наиболее активных противников власти. Другие ученые из-за страха за свою жизнь или жизнь своих близких стали критиковать власть не так открыто либо перешли на более примиренческие позиции.

Однако даже в конце 30-х годов остались ученые, которые не боялись открыто выступать против арестов своих коллег. Одной из форм протеста против репрессий были многочисленные письма и ходатайства в адрес высших партийных органов, а также руководителей реги-

она. В Среднем Поволжье таких случаев было значительно меньше, чем в Москве или Ленинграде. Это объяснялось отсутствием значительного числа видных ученых, которые пользовались авторитетом как в научной среде, так и у руководства государственных органов. Другой формой протеста был отказ от публичного осуждения арестованных коллег.

Но основная масса ученых была политически нейтральной. А.В. Луначарский подчеркивал, что «в очень большом количестве случаев интеллигент является человеком влюбленным в свою специальность, в какую-нибудь минералогию или термодинамику и именно будучи влюбленным в неё, он не умеет развернуть в себе полного и глубокого интереса к политике» [11. Л.18-19]. Часть из ученых совершенно была далека от политики, другие не видели смысла вести активную политическую борьбу в условиях тоталитарного режима. Даже В.И. Вернадский подчеркивал, что политическая борьба не продуктивна, важнее сконцентрироваться на возрождении «духа России». Он писал: «Я считаю сейчас самым важным и самым нужным творческую работу — научную, художественную, философскую. В ней спасение русской культуры, а следовательно, и России» [12. С.20].

Однако если в конце 1920-х годов к этой многочисленной группе ученых власть относилась довольно благосклонно, то уже в 1930-е годы подчеркивалось, что «ни о какой нейтральности в настоящий момент не может быть речи» [13. Л.18-55]. Представители власти отмечали «безнадежность попыток отдельных научных работников сохранить какое-то нейтральное, промежуточное между обоими классовыми полюсами, положение» [14. С.3.], указывая на то, что «аполитичность является маскировкой контрреволюционных настроений» [15. Л.14].

Власть перешла к решительной борьбе с всякими проявлениями аполитичности среди ученых. Особая роль отводилась партийным ячейкам научных учреждений и различным организациям ученых, которые вели идеологическую пропаганду в научной среде. Важнейшую роль играли секции научных работников и Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству (ВАРНITCO), в состав которых вошло большинство ученых. Данные организации вели активную политико-воспитательную работу среди работников научных учреждений, организовывали специальные кружки для ученых по изучению различных политических и философских тем [16. Л.11].

Доля лояльных власти ученых в Среднем Поволжье была значительно больше, чем в целом по стране и, в особенности в Москве и Ленинграде. Подтверждением этому служил более высокий процент членов партии среди научных работников в регионе. Так, если по стране процент партийных ученых в 1931 году был в среднем менее 10%, а среди некоторых категорий ученых менее 4% [17. Л.9], то в

Среднем Поволжье в наиболее крупных учреждениях он колебался от 10 до 30% [18. Л.11]. Однако к группе лояльных власти ученых относились не только члены партии, но многочисленные научные работники, активно сотрудничавшие с советской властью.

Группа лояльных ученых также была многогранна. В ее состав входили и истинные коммунисты, и карьеристы, и люди, вынужденные для сохранения жизни и нормальной научной деятельности отказываться от своих взглядов и заявлять о лояльности советской власти.

Неоднозначна роль этой группы ученых в трагических событиях, охвативших научную сферу в 1930-е годы, ведь многие из них активно участвовали в утверждении тоталитаризма, вели пропаганду для утверждения новой идеологии, тем самым укрепляли этот режим. Многие поддерживали репрессивные меры против своих же коллег, содействуя их распространению путем разгромной критики и доносов.

Однако большинство ученых действительно верили в коммунистическую идеологию. Причем среди них было немало талантливых исследователей и грамотных организаторов, внесших значительный вклад в развитие науки, многие из которых, несмотря на свою партийную принадлежность, заступались за представителей «старой» научной интеллигенции. Так, директор сельскохозяйственного института С.В. Сохацкий, будучи членом партии с 1905 года, предоставлял своим работникам значительную свободу в научной деятельности, защищая многих из них от нападков со стороны партийных органов [9. Л. 3-5].

Многие современные историки негативно относятся к конформизму научной интеллигенции. Однако этот способ поведения был сложным и неоднозначным процессом, который носил в основе своей вынужденный характер. Конформизм был следствием подчиненности ученых власти, боязни репрессий и большей эффективности этой формы поведения. Проявление внешней лояльности способствовало улучшению материального положения ученого, а также помогало добиться выделения значительного финансирования для научных исследований. Часть ученых отказывалась от своих взглядов ради сохранения возможности заниматься научной деятельностью [19]. Однако многие ученые, даже проявляя полную лояльность власти, стали жертвами репрессий.

На протяжении 1930-х годов была очевидна тенденция к повышению численности лояльно настроенных по отношению к советской власти ученых. Этот процесс шел за счет включения в научную сферу молодых научных работников, получивших свое образование после революции, а также привлечения на советские позиции многих представителей «старой» научной интеллигенции в результате идеологического «перевоспитания» и грамотной социальной политики. Особо отчетливо этот процесс был характерен для провинциальной научной интеллигенции.

Однако нельзя говорить о всеобщем переходе ученых на советские позиции, как об этом заявляли государственные и партийные деятели. Противников власти стало значительно меньше, и критика приобретала менее острый характер, однако оппозиционность среди части научных работников продолжала существовать, и спектр настроений в конце 30-х годов был еще крайне разнообразен.

Библиографический список

1. Самарцы – депутаты Государственной Думы Российской империи. – Ч.1. – Самара, 2006.
2. Трудовая правда. – 1928. – №285.
3. Правда. – 1938. – 13 декабря.
4. Архив УФСБ по Самарской области. Ф. П-88.44. Т. 1.
5. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 656. Оп. 29. Д. 114.
6. Государственный архив новейшей истории Ульяновской области (ГАНИУО). Ф.13. Оп. 1. Д.1189.
7. СОГАСПИ. Ф. 714. Оп. 1. Д. 401.
8. ГАНИУО. Ф.13. Оп. 1. Д.1140.
9. Любищев, А.А. Переезд в Самару// Ульяновский краеведческий музей. Личный фонд А.А. Любищева.
10. Архив УФСБ по Самарской области. Ф. П-88.44. Т. 1-3
11. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 142, Оп. 1. Д. 186.
12. Колчинский, Э.И. Трудности этического выбора при тоталитарном режиме: случай с В.И. Вернадским / Э.И. Колчинский // Наука и общество. – СПб., 2000.
13. РГАСПИ. Ф.142, Оп. 1, Д.184.
14. Научный работник.-1930.-№ 9-10.
15. ГАНИУО. Ф.13. Оп. 1. Д.1031.
16. Государственный архив Самарской области (ГАСО). Ф. Р-3303. Оп. 1. Д. 2.
17. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-406. Оп. 12. Д. 2427.
18. ГАСО. Ф. Р-751. Оп. 6. Д.765.
19. Автобиография Д.М. Щукина.

A. V. Syukov

THE POLITICAL MOODS OF SCIENTIFIC INTELLIGENCE IN THE MIDDLE VOLGA REGION IN 30TH YEARS OF THE XX CENTURY

In the article political moods of scientific intelligency in the Middle Volga region in 30th years of XX century is considered. On the basis of various historical sources the basic forms of interrelation of scientists with authority and features of the given process in region are revealed.

Статья принята в печать в окончательном варианте 14.01.08 г.